

Какого же рода были эти «моральные вопросы», которые занимали нашего героя? Помогали ли они нравственному выясненію ему самого себя или такъ только и оставались висѣть на воздухѣ безъ примѣненія? Вопросы эти были тѣ самые, которые нашъ герой задавалъ себѣ и впослѣдствіи, задавалъ всю жизнь, измѣняясь самъ лишь подъ тѣмъ и другимъ именемъ у гр. Толстого. Другой вопросъ, насколько они перерабатывались въ плоть и кровь, насколько они доходили до той грани, гдѣ моральный порывъ становится дѣломъ, гдѣ принципъ сливается съ внутренней потребностью души, исчезаетъ въ ней... Обстановка и условія окружавшія героя нашего были не таковы, чтобы особенно благоприятствовать внутреннимъ вопросамъ моральнаго свойства; поэтому, какъ бы искренно и настойчиво не просились они въ душу героя нашего, первое же столкновеніе съ окружающими лицами, должно было опрокинуть всю эту карточную работу; какъ бы ни старался Иртеньевъ разрѣшить для себя дилемму человѣческаго счастья, вопросы любви къ людямъ и нравственнаго самосовершенствованія, — дѣйствительность, въ лицѣ бабушки, отца, княгини Корнаковой, князя Ивана Ив., Ивиныхъ, въ лицѣ его домашнихъ сверстниковъ и старшихъ — опрокидывала эту возвышенную чепуху, ставя надъ грудой искусственной вопросовъ этического свойства — своего «Бога силы» — внѣшнѣго успѣха, свѣтскихъ связей, наружнаго блеска, красоты... Ничего нѣтъ, поэтому, мудренаго, если «вопросы моральнаго свойства» и «возвышенная чепуха» такъ часто бываютъ склонны у нашего будущаго Левина, смѣняться чисто практическими заботами о своей наружности, сѣтованіями на то, что «нѣтъ счастья на землѣ для человѣка съ такимъ широкимъ носомъ, толстыми губами и маленькими сѣрыми глазами», какъ у него, — и онъ просилъ Бога: «сдѣлать чудо, превратить меня въ красавца,